

Она перевернула запястье, и лезвие, сверкнув, взмыло вверх. В океане серебристого инея пролегла жуткая рваная рана — она прорвалась сквозь тысячи мечевых искр и обрушилась на клинок противника.

Словно дракон, вырвавшийся из облачного моря, или яркое солнце, озарившее заснеженные горы.

Острый, неудержимый натиск!

Чжун Шилю глухо застонал, из уголка его рта потекла струйка крови.

В момент столкновения стали раздаваться гром, и встречные потоки Истинной Ци отбросили обоих бойцов прочь. В воздухе промелькнули два кровавых шлейфа.

Они с грохотом рухнули на землю, подняв клубы пыли.

Солнце погасло, иней растаял.

Оба оказались тяжело ранены.

Двое бойцов карательного отряда в черном спрыгнули с северной трибуны и подошли к ним, но не спешили действовать. По правилам они должны были ждать.

Все зрители поднялись со своих мест, затаив дыхание, — они тоже ждали.

Чэн Цяньжэнь и Гу Сюэцзян бросились к краю арены, но их преградил магический барьер.

Эти десять с лишним секунд показались Чэн Цяньжэню бесконечно долгими.

Наконец Сюй Жань, опираясь на саблю, шатаясь, поднялась на ноги.

Кто-то радостно вскрикнул, но тут же осекся.

Прошло еще десять секунд, но Чжун Шилю не встал.

Один из карателей подошел и помог ему подняться: Победитель определен.

Сюй Жань!

Раздался оглушительный, подобный морскому прибою, рев толпы.

Магический барьер арены погас, и людской поток хлынул на помост. Группа остолопов из Академии Циншань обступила Сюй Жань, намереваясь подбросить её в воздух, и лишь после того, как Чэн Цяньжэнь закричал: Она ранена, сначала в лазарет!, — они неохотно уgomонились и общими усилиями уложили её на носилки.

Сюй Жань отказывалась уходить и всё тянула руку в сторону Чжун Шилю. Озадаченные товарищи, не зная, что делать, понесли её следом за носилками противника.

Говори же скорее! Что случилось?!

Сюй Жань не могла вымолвить ни слова, лишь выставила три пальца.

Чжун Шилю увидел их, на мгновение задумался, а затем дрожащей рукой достал из-за пазухи

три серебряных слитка, по десять лянов каждый.

Двое носилок поравнялись, окровавленное серебро переключало в руки Сюй Жань. Она спрятала его за пазуху и, успокоившись, потеряла сознание.

Последовала еще немалая суматоха: все вместе они помчались к академическому лазарету рядом с павильоном Цзяньань.

А в павильоне Цзяньань старшие ученики, обдумывая произошедшее, лишь сейчас пришли в себя.

Даже если жар Армейской техники сабли Леян подавляет холод Меча Линьшуан, разница в уровне развития определяет количество Истинной Ци. Как вышло, что первой поднялась именно она?

Эта победа не только в силе оружия, но и в истинном смысле приемов. Луна заходит, Ворон кричит, Иней покрывает небо — эта связка из трех приемов была направлена на подавление и блокировку. Первые два приема нападавшего, Гора приходит и Ветер поднимается, были лишь лобовым столкновением, поэтому они не могли принести победу...

Но приемы Облака расходятся и Солнце встает — один прорывает, другой завершает, и картина боя мгновенно меняется. Гениально!

Чем дольше они обсуждали это, тем более восхитительными казались им эти приемы, для которых невозможно было найти лучшей замены.

Кто-то вдруг вспомнил: Кажется, это выкрикнул кто-то с края арены...

На арене всё меняется в мгновение ока. Тот человек должен был сообразить, уверенно выкрикнуть, а боец — без колебаний исполнить. Ошибись они хоть на шаг, исход сегодняшнего боя был бы совсем иным.

Они с воодушевлением заключили: Похоже, в нашей академии есть скрытый мастер! В этом году на Турнире двух академий мы точно смоём позор!

Гу Сюэцзян, которого старшие ученики называли гордостью Турнира двух академий, стоял сейчас в лазарете, опираясь на плечо Чэн Цяньжэня и чуть не выплевывая легкие от кашля.

Чэн Цяньжэнь похлопал его по спине: Сядь, я принесу тебе горячего чая.

Из-за длительного нервного напряжения он взмок от пота, а когда внезапно расслабился, холодный ветер проник в тело, разбередив старые раны. Кашель не прекращался.

Врачи, осматривавшие Сюй Жань и Чжун Шилу, злились: Лазарет и так трещит по швам, как тут осматривать раненых? Уходите, уходите!

Крепких боевых практиков из Академии Циншань выставили вон. Но наших героев, выглядевших болезненно и вежливо, а также из-за того, что Гу Сюэцзян продолжал сильно кашлять, не прогнали, а даже указали им на стулья.

Врач ворчал: Нынешняя молодежь... Неужели это кровная месть за убийство жены или похищение детей? Зачем так ожесточенно драться...

Старшие ученики из павильона Цзяньань, беседуя, спустились вниз и, проходя мимо лазарета,

заглянули внутрь.

Вдруг кто-то остановился, вспомнив нечто важное: Вам не кажется, что здесь что-то не так?

Что именно?

Армейская техника сабли Леян. Кажется, ту девушку зовут Сюй.

Наступила тишина.

...Разве род генерала Сюй не был вырезан под корень по приказу императора?

Чэн Цяньжэнь напоил Гу Сюэцзяна горячим чаем.

Гу Сюэцзян наконец перестал задыхаться от кашля и, придя в себя, машинально потянулся к трубке, чтобы прикурить.

Чэн Цяньжэнь не выдержал: Поменьше бы ты курил.

Такой молодой, а уже такая зависимость — легкие не жалко?

Сначала попей чаю, а я пойду проверю Сюй Жань.

Чэн Цяньжэнь зашел во внутреннюю комнату и удивился её размерам: вдоль стен стоял ряд простых деревянных коек, около двадцати штук, между ними — длинные лавки. В конце комнаты висела занавеска, за которой, судя по всему, были еще помещения.

Сюй Жань уже очнулась и, полулежа, с кем-то разговаривала. Её правая рука была перебинтована. Неизвестно, что она сказала, но молодые женщины-врачи, сидевшие у её койки, покраснели и, прикрывая рты, захихикали.

Увидев Чэн Цяньжэня, они смущенно поднялись и попрощались.

Чэн Цяньжэнь присел на лавку: Как ты?

Всё отлично. Сюй Жань была бледновата, но духом бодра. Она даже достала из-за пазухи полпакета закусок и пакет сахара, протягивая Чэн Цяньжэню: Забери домой, отдай Чжулю.

Откуда это?

Сестрички дали. Когда закончили перевязку, сказали, что видели на втором этаже, как я дралась, и похвалили мою технику сабли. А я ответила: что вы, что вы, я лишь вторая в академии после нашего главы.

Глава Академии Наньюань был практиком уровня Великого Достижения, прославившимся в юности своей быстрой саблей.

Они так смеялись, что чуть не попадали, и напихали мне сладостей. Ты же знаешь, я не люблю сладкое, но отказаться было неудобно. Вот я и сказала: как же я могу съесть это сейчас? Обязательно приду домой, заварю лучший чай и буду лакомиться при лунном свете.

Чэн Цяньжэнь остолбенел.

Это та самая Сюй, чья реакция обычно запаздывает на полтакта? В неё вселился Гу Сюэцзян? Нет, когда Гу Сюэцзян видит красивых девушек, он и то не дотягивает до такого уровня. Значит, это врожденный навык?

Сюй Жань всё больше воодушевлялась: Оказывается, в академии есть такие нежные и милые врачи! В этот раз я не прогадала, в следующий раз снова приду!

Чэн Цяньжэнь поспешил прервать её: Никакого следующего раза! Попадать в лазарет — это не к добру!

Сюй Жань разочарованно протянула: О-о.

Чэн Цяньжэнь: Отдыхай здесь, а я схожу домой и принесу тебе поесть.

К его удивлению, Сюй Жань грациозно спрыгнула с кровати: Сестрички ушли обедать, что мне тут делать? Пойду домой, поем свинины в красном соусе.

Чэн Цяньжэнь: ...Похоже, рана не такая уж серьезная.

А где Чжун Шилу? Его забрали?

Сюй Жань кивнула в сторону занавески в конце комнаты: Никто его не забирал. Он там, внутри. Слышала, у него рана до кости, нужно было снять одежду и наложить лекарство, поэтому его сразу туда унесли. Вот же терпеливый, по его лицу вообще ничего не скажешь.

Только они заговорили, как занавеска отодвинулась и вышел старый врач. Сюй Жань поклонилась — именно этот старик делал ей перевязку.

Врач махнул рукой и, увидев родственников пациента, не удержался от нотаций: Истинная Ци у неё полностью истощена, пару дней никакого боевого искусства. Путь меридианов не задет, но следите за раной на правой руке, иначе при её нынешнем уровне развития заживать будет медленно... У вас есть лекарства?

Чэн Цяньжэнь: Я пойду куплю, здесь можно купить?

Он слышал, что цены на лекарства в академическом лазарете почти не отличаются от городских, зато качество намного выше.

Сюй Жань поспешно остановила его: У меня есть лекарства, не надо покупать!

Чэн Цяньжэнь вспомнил, что когда у Сюй Жань не хватало денег, она подрабатывала в одной аптеке на западе города, выставляя две таблички: Слева — Вправление костей, справа — Родовые секретные рецепты от ушибов и травм.

Старый врач указал внутрь: Его друг пришел? У него раны серьезнее. Помимо наружных средств, ему нужно внутреннее укрепление органов...

В этот момент бледный юноша отодвинул занавеску.

Чжун Шилу с мечом в руках шел медленно. Его лицо ничего не выражало, лишь проходя мимо них, он слегка кивнул.

Чэн Цяньжэнь почувствовал от него густой запах лекарственных трав, смешанный с привкусом крови.

Юноша вышел из лазарета и, увидев Чжун Тяньюя, направился к нему.

Чжун Тяньюй пнул его ногой: Никчемный!

Чжун Шилу упал, из него вырвался сгусток крови, но выражение лица осталось таким же равнодушным.

Боевые практики, наблюдавшие за боем, еще не разошлись. Увидев такое, они разъярились и бросились вперед. Друзья молодого господина Чжуна поспешно прикрыли его и отступили, громко ругаясь, и всё превратилось в хаос.

Чэн Цяньжэнь, не раздумывая, поднял Чжун Шилу. Юноша подобрал Меч Линьшуан и медленно выпрямился.

Сюй Жань и Чэн Цяньжэнь переглянулись.

Сюй Жань достала фарфоровый пузырек и прошептала: Это мое семейное лекарство... По нашим правилам, давать побежденному лекарство — значит оскорбить его.

Чэн Цяньжэнь взял пузырек и вложил его в руку Чжун Шилу, не зная, что сказать, чтобы тот принял его.

К его удивлению, юноша не отказался, лишь кивнул: Благодарю.

Чэн Цяньжэнь впервые услышал его голос.

Из-за ранения он был немного хриплым, но всё еще по-юношески звонким.

Сказав это, он пошел дальше.

Конфликт разгорался всё сильнее, подоспел карательный отряд, выкрикивая: Зачинщики будут наказаны по правилам академии!, и толпа поспешно рассеялась.

В мгновение ока у лазарета остались только Чэн Цяньжэнь и Сюй Жань.

К ним направился карательный отряд. Старший группы громогласно объявил: Вы под предлогом поединка открыто совершили денежную сделку, что приравнивается к азартным играм!

Чэн Цяньжэнь поклонился: Мы вызвали друг друга на бой по всем правилам, азартных игр не было, прошу разобраться.

Командир повернулся к Сюй Жань: Где твои тридцать лянов?

Чэн Цяньжэнь не успел остановить её, Сюй Жань уже достала окровавленное серебро: Вот, это деньги, заработанные потом и кровью.

Командир выхватил их: Видите! С поличным, а еще пытаются отрицать! — с горечью воскликнул он. — Великий демон сбежал из Ада Десяти Направлений, какая опасность! Вся академия Наньюань на осадном положении, а вы занимаетесь такими вещами, создавая лишнюю работу карателям!

Под их осуждающими взглядами Чэн Цяньжэнь почувствовал укол совести и не нашел слов.

А Сюй Жань всегда почитала главу академии, а вместе с ним и карателей, защищающих покой учебного заведения, поэтому не могла даже обнажить саблю, чтобы воспротивиться.

Им оставалось лишь смотреть, как тридцать лянов исчезают вдаль. В голове была только одна мысль:

Где же Гу Сюэцзян? Нам нужен Гу Сюэцзян.

Гу Сюэцзян сидел на втором этаже лазарета, смутно слыша шум внизу.

Так как он курил, несмотря на кашель, его вызвали наверх и выписали рецепт от курения.

В обед троица встретилась в доме Чэн Цяньжэня.

Правая рука Сюй Жань была в повязке, есть палочками было неудобно, и друзья помогали ей, подкладывая еду в чашку. Свинина в красном соусе, приготовленная Чжулю, была такой вкусной, что потеря тридцати лянов уже не казалась такой болезненной.

Когда все наелись, Чэн Цяньжэнь почувствовал, что атмосфера изменилась, и отправил Чжулю спать.

Сюй Жань, глядя на Гу Сюэцзяна, который хотел что-то сказать, но медлил, не выдержала: Что ты хочешь сказать? Говори прямо.

Гу Сюэцзян: Ты сама не знаешь? Тебе не следовало использовать Армейскую технику сабли Леян.

Сюй Жань знала, что виновата: Я... тогда не могла много думать.

Она думала, что Гу Сюэцзян сейчас начнет её ругать, но тот лишь вздохнул, поднялся и отряхнул халат: Объясни всё Чэн Цяньжэню, пусть будет готов. Я пойду.

Сюй Жань поспешно встала: Подожди! Не уходи.

Гу Сюэцзян остановился, его настроение немного улучшилось: М?

Сюй Жань, придерживая правую руку, широко усмехнулась: Видишь, я теперь даже посуду мыть не могу. Хе-хе.

Гу Сюэцзян задрожал от гнева и замахнулся трубкой:

Уходи! Я сам помою! Ты, тупица! У тебя в голове половина воды, половина муки. Когда не думаешь — еще ладно, а как подумаешь — сплошная каша!

Чэн Цяньжэнь, ничего не понимая, увидел, как эти двое начали бегать вокруг стола, поднимая пыль столбом.

Он тут же вскочил и удержал Гу Сюэцзяна: У неё рука ранена, чего ты к ней пристал? Сядьте и поговорите нормально.

В итоге Сюй Жань выскочила за дверь, совсем не выглядя как раненая.

Чэн Цяньжэнь начал убирать посуду: Ты тоже устал, пей чай, я помою.

Гу Сюэцзян выдохнул, закурил: Три года назад я покинул столицу, как раз когда борьба партий при дворе достигла пика, сердца людей были беспокойны, две фракции — наследного принца и третьего принца...

Чэн Цяньжэнь: Скажи что-нибудь, что я пойму.

Гу Сюэцзяну пришлось пропустить подробности: В общем, когда боги дерутся, страдают смертные. Отец Сюй Жань был генералом четвертого ранга, командовал тридцатью тысячами гарнизона Цзянчжоу, управлял строго, но характер... сама знаешь, какой у Сюй Жань. Кто бы ни приходил его переманивать, он всех выгонял с руганью, подавал доносы о заговорах.

В итоге, прежде чем донесения дошли до столицы, всю их семью бросили в тюрьму по обвинению в сговоре с демонами и государственной измене. Старые друзья отца пытались выкрутиться, и в конце концов им удалось спасти только Сюй Жань, аргументируя это тем, что она была слишком мала и ничего не знала.

Чэн Цяньжэнь мыл посуду, слушая, как Гу Сюэцзян снова вздыхает:

Академия Наньюань никогда не вмешивается в политику, для неё это самое безопасное место. Статус ученика академии лучше, чем статус потомка преступника.

Чэн Цяньжэнь спросил: Когда ты узнал?

Гу Сюэцзян: Вчера. Я спросил её, что она умеет, кроме техники сабли, которой её учил отец? Она ответила: Армейскую технику сабли Леян. Остальное мне не нужно было спрашивать, я и так всё понял. Теперь знаешь и ты.

Чэн Цяньжэнь: О.

Он вспомнил, как однажды вечером Сюй Жань сказала, что мир велик, а врагов еще больше — оказывается, она ничуть не преувеличивала.

После боя в выходной день слава Сюй Жань взлетела до небес, и на следующий день на уроке техники сабли сокурсники поздравляли её.

Однако не прошло и полдня, как правда о её происхождении распространилась. До открытой травли не дошло, но люди стали намеренно или случайно сторониться её. Боевые практики Академии Циншань, хоть и не придавали значения знатности рода, не хотели иметь дело с теми, чьи родители обвинялись в сговоре с демонами и измене.

За один день всё изменилось. На месте другого человека она могла бы сломаться, но Сюй Жань была проста душой: никому ничего не объясняла и не чувствовала себя ущемленной.

Чжун Тяньюй, казалось, был в дурном настроении и даже перестал ходить на Основы военной теории, что дало им три дня спокойной жизни.

Через три дня тучи рассеялись, выглянуло солнце.

Сезон весенних дождей в городе Наньян закончился, и потеплело словно за одну ночь. Зацвели деревья, буйно разрослась трава.

При входе в академию больше не проверяли пропуска — говорили, что тот демон сменил маршрут и ушел на восток, поэтому во всех четырнадцати южных провинциях отменили

осадное положение.

Для трех остолопов Наньюаня всё это не имело большого значения.

Жизнь продолжалась. Нужно было учиться, считать деньги, торговать рисунками, практиковать саблю. И придумывать, как заставить других мыть посуду.

Когда у библиотеки опали последние цветы персика, Чэн Цяньжэнь снова встретил того молодого книжника.

Вы как себя чувствуете?

Лицо книжника было бескровным, словно он перенес тяжелую болезнь. Мягкая улыбка не могла скрыть усталости.

Неужели простудился во время затяжных дождей?

Книжник опустил голову и тихо кашлянул: Ничего страшного.

Чэн Цяньжэнь протянул ему Искусство Перемен Цветка Сливы: Благодарю вас.

Книжник взял книгу: Для кого ты её брал?

Чэн Цяньжэнь немного удивился, но, видя, что тот по-прежнему приветлив и ни в чем его не винит, ответил честно: Для младшего брата. У него хороший талант, следующей весной он будет поступать, я хочу, чтобы он выбрал Вычисление Десяти Тысяч Дхарм.

Раз талант хороший, почему не взял ему книгу по технике меча?

Пусть учит после поступления. Слишком рано выставлять напоказ острый клинок, когда нет сил защитить себя — не к добру.

Ты так заботишься о брате, а о себе подумал?

Чэн Цяньжэнь не знал, почему тот вдруг спросил об этом — может, из заботы об ученике?

Он улыбнулся: Мудрецы говорили: Ловкий трудится, умный печалится, лишь бездарный ни о чем не просит. Сколько есть способностей, столько и планируй дел. Я планирую сытую жизнь в достатке, чтобы было кому позаботиться обо мне в старости.

Книжник рассмеялся: Сколько тебе лет, что ты уже думаешь о старости? У меня даже таких планов нет.

Чэн Цяньжэнь расслабился: Вы тоже очень молоды!

Ху Ичжи подумал: у тебя действительно совсем нет юношеского пыла.

С тех пор как он вошел в город Наньян, вся та кровавая аура убийцы и собирателя трупов исчезла. Словно он забыл всё прошлое, спрятал всё глубоко внутри, а снаружи оставил лишь опыт человека, умудренного невзгодами.

Если ты действительно хочешь спокойной жизни, сегодня же выгони брата...

Он не договорил, потому что улыбка Чэн Цяньжэня исчезла, а выражение лица стало холодным.

Ху Ичжи сменил тему: Просто шутка. Раз Искусство Перемен Цветка Сливы прочитал, пора переходить к Первым шагам в теории чисел. Книга редкая, иди на пятый этаж. Там всего один экземпляр, если не пойдешь сейчас, боюсь, её снова кто-нибудь возьмет.

Чэн Цяньжэнь понял, что вел себя грубо, и смутился: Вы мне так помогли, я Чэн Цяньжэнь, а как ваше имя?

Моя фамилия Ху.

Он поклонился, прощаясь: Благодарю, господин Ху, еще увидимся.

Хотя тот был лишь немногим старше его, назвать его господином было уместно.

Ху Ичжи смотрел, как его спина исчезает за поворотом лестницы, и пробормотал: Глупец, если бы ты спросил меня о имени раньше, успел бы взять книгу?

Вдруг он согнулся и зашелся в неудержимом кашле, поспешно прикрыв рот платком. Когда он пришел в себя, платок был в кровавых пятнах.

Раздался прохладный голос: Совсем ты стал стар и немощен, в этот раз никого не поймал, а сам пострадал немало. Даже Глава Академии так ранен?

Красивая женщина, сидевшая за столом, неизвестно откуда достала чайный сервиз из исинской глины и заваривала чай.

Ху Ичжи сел напротив неё, скрестив ноги, и без церемоний взял чашку горячего чая.

Саньнян, почему тебя заботит только Глава Академии?

Хорошо, отдай долг в сто лянов за пользование книгами, и я буду заботиться о тебе каждый день.

Ху Ичжи не нашелся что ответить.

Согласно жалованию и статусу заместителя главы академии, он не должен был быть должен кому-то денег. Но он был.

В юности Ху Ичжи странствовал по миру, посещая ученых мужей и ведя с ними философские споры.

В те времена в столице споры строились на подавлении оппонента силой духа. Ху Ичжи же говорил мягко, аргументированно, и даже когда его оскорбляли, он не терял достоинства, заставляя противников признать поражение.

В одночасье он прославился, его эрудиция и манеры изменили саму культуру дискуссий в столице.

На банкете в честь дня рождения Великой принцессы Аньго загадали загадку: кто из нынешних деятелей является истинным благородным мужем? Ответ был — Ху Ичжи.

Он читал священные книги, следовал пути благородного мужа, но не был косным, обладал

свободой духа истинного мастера. У него были широкие связи, он всегда помогал друзьям в беде и был щедр к нуждающимся.

<http://bllate.org/book/21041/2140659>